

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

ПЕРВОИСТОЧНИКИ ИСТОРИИ КУШИТО-ХИМЬЯРИТСКИХ ВОЙН

(К истории торговли и дипломатии Византии на Востоке)

В ранний период истории Византии и средневекового Востока большую роль играли широкие торговые связи.

На южном побережье Аравии скрещивались торговые, сухопутные и морские пути, в связи с чем Иемен и Эфиопия имели большие экономические преимущества. С древнейших времен здесь проходили торговые дороги, связывавшие эти области с Египтом, Сирией, Малой Азией и Европой. Рим, желая занять доминирующее положение на торговых путях, последовательно покорил Набатейское государство с Петрой (106 г. н. э.), Осроену (216 г.), Пальмиру (270 г.). Византия и в этом случае продолжала завещанную Римом политику, стремясь держать под своим контролем южноарабские государства и Эфиопию. По водам Красного и „Эритрейского“ морей корабли ходили до острова Тапробан (Цейлон) и к Малабарскому (Male) побережью Индостана. Как и караванный путь вдоль западного берега Аравийского полуострова, это был один из желанных обходных путей для Византии, на котором она могла быть независимой от Ирана сасанидов.

Доминирующее положение, которого добивалась Эфиопия у химьяритов (Himyarites), несколько поколебалось в первой четверти VI в. Одна часть химьяритской знати была византийско-абиссинской, а поэтому и христианской ориентации, другая стремилась к самостоятельному положению. Эта последняя группировка связала себя с иудеями, торговые и земледельческие колонии которых в Аравии были многочисленны, а отчасти опиралась на Иран. Внутренняя борьба химьяритов приняла обостренный характер, в которой религиозный момент играл немаловажную роль; по всем городам Южной Аравии прокатилась волна гонений.

С оружием в руках Эфиопия стремилась восстановить свое влияние, так как всякое нарушение торгового обмена болезненно отзывалось на ее достатке. Разбив гонителя Масрука (Зу-Нуваса), эфиопские войска упрочили свое положение в Иемене. Но Иран справедливо видел в этом успехи константинопольской дипломатии, и при Хосрове I персы поторопились захватить города химьяритов.

История химьярито-эфиопских войн неоднократно дебатировалась в науке, особенно потому, что соответствующие источники разнообразны и противоречат друг другу.¹

История химьярито-эфиопских войн вызвала внимание и византиноведов, так как эти войны находились в теснейшей связи с экономическими и политическими интересами Византии. Константинопольские дипломаты усиленно добивались укрепления влияния у аксумитов, которых они поддерживали против химьяритов.²

В настоящее время необходимость пересмотреть этот вопрос стала очевидной. Опубликованная Мобергом Книга химьяритов является новым, важным и достоверным источником для истории Южной Аравии и Эфиопии в раннем средневековье. Специальных исторических исследований в этой области после издания этого памятника не появлялось. В общих трудах оценка „гонений“ и „войн“ в Химьяре осталась прежней. Между тем, в свете новых данных, в связи с общим положением Византии и ее сношениями с Ближним Востоком, события в Южной Аравии в начале VI в. приобретают большую историческую значимость.

Греческие и сирийские источники наиболее близки хронологически к этим событиям, сведения о которых они получили из

¹ Caussin de Perseval. Essai sur l'histoire des Arabes. Paris, т. I, 1847, pp. 61—160; Mordtmann. Miscellen zur himjarischen Altertumskunde. — Ztschr. d. Deutsch. Morgl. Ges., B. 31, 1877, SS. 61—93; A. Dillmann. Über die Anfänge des Axumitischen Reiches. — Abhandl. d. Akad. d. Wiss. zu Berlin. Berlin, 1879; A. Dillmann. Zur Geschichte des Axumitischen Reiches im IV bis VI Jahrhundert. — Abhandl. d. Akad. d. Wiss. zu Berlin. Berlin, 1880; Mordtmann. Die himjarisch-äthiopischen Kriege noch einmal. — Ztschr. d. Deutsch. Morgl. Ges., B. 35, 1881, SS. 693—710; Fell. Christenverfolgung in Südarabien. — Ztschr. d. Deutsch. Morgl. Ges., B. 35, 1881, SS. 1—74; E. Glaser. Skizze der Geschichte und Geographie Arabiens, B. II. Berlin, 1893, SS. 532—564; E. Glaser. Die Abessinier in Arabien und Afrika. München, 1895; Winkler. Altorientalische Forschungen. B. I. Leipzig, 1893, SS. 310—328, 329—337; F. M. E. Pereira. Historia dos Martyres de Nagran. Lisboa, 1899. Рецензия: Th. Nöldke. Götting. gelehrte Anzeigen, 161 Jahrg., 1899, SS. 825—830; A. Kammerer. Essai sur l'histoire antique de l'Abysinie. Paris, 1926; Hitti. History of the Arabs. 3th edit. London, 1946

² А. А. Васильев. Житие Грегентия, епископа Омирятского. — Византийский Временник, т. XIV, 1907, стр. 23—67.

первых рук. Среди греческих источников в первую очередь должны быть названы Иосанн Малала и Прокопий Кесарийский, сообщения которых повторил в своей хронографии Феофан. Сведения этой группы источников имеют прямую связь с сочинениями Ноина, отец и дед которого, как и он сам, выполняли дипломатические поручения Византии в мелких государствах Ближнего Востока и ездили „к эфиопам, химьяритам и сарацинам“.

Для истории этого периода могут быть использованы химьяритские надписи. В подавляющем большинстве случаев они являются надгробиями, обычно не датированы, и пользоваться ими надо с осторожностью, но они, несомненно, дают общий фон, общие представления об эпохе.¹ В этом аспекте особое значение приобретают химьяритские надписи монотеистического характера, в частности относящиеся к Рахману милостивому.² Многочисленные надписи, упоминающие это имя, прибегают к его помощи, как надпись 573 г. химьяритской эры, относящаяся, следовательно, к 458 г. н. э. (эра химьяритов начиналась в 115 г. до н. э.), говорящая о завершении постройки „с помощью Рахмана“ סמון וראצן .³ В некоторых химьяритских надписях можно отметить формулировки еще более отчетливые и близко напоминающие иудейские, как благодарность за помощь „милостивого господина неба и земли“... $\text{סמון מרתא... סמון וראצן}$.⁴

Нельзя сомневаться в иудейском характере надписи № 394 и 395, опубликованной Глазером,⁵ в которой Шахир воздает благодарение „Рахману, который есть в небе и в Израиле, их бог, господин Иуды (иудеев)“.⁶

Большинство исследователей стоит на той точке зрения, что Рахман заимствован из иудейской религии, но некоторые ученые (как Галеви и Нильсен) считают это явление независимым.⁷ Во всяком случае монотеистические верования не могли не создавать почвы для распространения иудаизма и христианства. По преимуществу, однако,

¹ Значение имеет большая датированная (543 г. н. э.) надпись, привлеченная в других частях исследования. E. Glaser. Zwei Inschriften über den Dammbruch von Marib. Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft. Berlin, 1897.

² Rickmans. Les noms propres sud-sémitiques, t. II. — Répertoire alphabétique. Louvain, 1934, p. 123.

³ Mordtmann und Mittwoch. Sabäische Inschriften. Hamburg, 1931. № 153, Z. 3, SS. 192—193.

⁴ Rickmans. Inscriptions sud-arabes. — Le Muséon, t. 45, 1932, pp. 290—295.

⁵ Revue des études juives, v. 23, 1891, p. 122.

⁶ Winkler. Zur Geschichte des Judentums in Jemen, Altorientalische Forschungen. B. I. Leipzig, 1893, S. 335; Hirschberg. Jüdische und christliche Lehren im vor- und frühislamischen Arabien. Krakow, 1939, S. 39.

⁷ Hirschberg. Jüdische und christliche Lehren, SS. 69—70.

обе эти религии прививались в городах, у оседлого населения, а кочевые арабские племена оставались верны своим древним языческим верованиям. Химьяритские надписи дают также большое число собственных имен, которые были использованы Мобергом для сопоставления с синодиком Книги химьяритов.

Не могу не уделить внимания одной дефектной надписи, трактующей о походе и военных действиях, содержание которой, быть может, имеет прямое отношение к событиям в Химьяре. Эта надпись отнесена ее издателями к *tituli aevi Christiani*. В ней упомянуто имя Харита (строка 5-я $\text{חרית} - \text{حارث}$). Званию „царя в Джафаре“ מלכן בטרפ в 10-й строке предшествует непонятое издателями слово в 9-й строке, которое они читают как מדרק . В чтении последней буквы этого слова нельзя быть уверенным.¹ Представляется возможным высказать предположение, что это слово представляет имя царя *Mzru[q]*, Масрук, если читать последнюю букву как *q*. Так как в надписи речь идет о военных действиях, о том, что валом и стенами были заперты (город или войска) и были посланы люди и скот, то можно высказать предположение, что надпись запечатлела события, главными героями которых были Масрук, царь Джафара, и Харит (Арефа), ставленник кушитов в Неджране.

Таковы материалы, которые могут быть привлечены из химьяритских надписей. Арабские источники возникают, как известно, несколькими веками позднее; тем не менее, Табари, черпая свои сведения для этой эпохи у Хишама и Ибн-Исхака, дает по-своему последовательный рассказ. Основные факты в хронике Табари могут быть сведены к следующему: в Йемене воцарился узурпатор, не принадлежавший к царскому роду, Зу-Шанатир, очевидно имевший опору в Абиссинии. Юноша царского рода Зураа Зу-Нуvas, приглашенный во дворец к Зу-Шанатиру, убил его, а затем воцарился сам. Он обратился в иудейство и получил имя Иосифа. Между тем, в Неджране было насаждено христианство неким Фемием.² Зу-Нуvas вступил в борьбу с Неджраном и казнил всех непослушных. Один из жителей Неджрана, Зу-Таалабан, бежал к абиссинскому негусу и сообщил ему обо всем. Негус послал войска с военачальником Ариатом, который разбил войска Зу-Нуvasа, а этот последний бросился в море. Ариат занял положение ставленника кушитов в Химьяре, но был убит кушитом Абрахой (Авраамом), который правил после него Йеменом, также в качестве представителя негуса.

¹ Mordtmann und Mittwoch. *Himjarische Inschriften*, № 43, S. 54.

² Conti Rossini (*Un documento sul christianesimo nello Jemen ai tempi del re Sarahbil Jakkuf. Romae, 1911, p. 12*) считает это имя испорченным: ποιμὴν — пастырь.

Абраха совершил поход на Мекку около 545 г., лет за 25 до рождения Мухаммеда (570). Господству кушитов был положен предел завоеваниями Хосрова I, пославшего войска в Йемен.¹

Остов рассказа Табари, несомненно, имеет историческую ценность, хотя отдельные его части и подробности явно легендарного характера, как порочная характеристика Зу-Шанатира или чудесный элемент в истории Фемииона. Отдельные сообщения удачно дополняют другие источники, как зависимость Ариата и Абрахи от негуса, торговые и культурные связи с Сирией и Абиссинией и др. Но без сирийских и греческих источников сообщения арабской хроники оставались бы малопонятными, а борьба царя Химьяра с городом Неджраном — без должной исторической оценки.

Из других арабских исторических сочинений следует отметить список царей Химьяра у Абульфеды² и некоторые сообщения Ибн-Халдуна. Несмотря на то, что оба автора писали на много веков позднее событий, они использовали материалы, не дошедшие непосредственно.

Совершенно необходимо обратиться и к эфиопским источникам, которые несомненно представляют интерес, но все они относятся к очень позднему времени. Глезер, Винклер, а затем Конти Россини³ обратили внимание на легенды, относящиеся к господству принявших иудейство царей Йемена. Они связаны с временем Шарбилъ Якуфа, эпиграфические данные о котором относятся к 467 г. н. э. Некий Азкир был схвачен в Неджране царствовавшими там Зу-Таалабаном и Зу-Кайфаном за проповедь христианства. Отосланный в столицу Джафар, он был направлен обратно в Неджран, где был казнен.⁴ Легенда подтверждает факт распространения иудейства в Йемене еще до первой четверти VI в. На эфиопском языке сохранился также перевод жизнеописания Арефы, сделанный не с греческого, а с его арабской версии.⁵ В зависимости от этого эфиопского перевода находятся краткие, синаксарные его пересказы, а также рассказы в эфиопских хрониках позднего времени.⁶

¹ Al-Tabari. *Annales*, ed. De Goeje. Prima series, v. II, pp. 961—964; Tabari. *Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden*, übers. v. Th. Nöldeke. Leyden, 1879, SS. 172—237.

² A b u l f e d a e. *Historia antislamica, arabice* ed. Fleischer. Lipsiae, 1831.

³ G l a s e r. *Skizzen der Geschichte und Geographie Arabiens*. B. I. Berlin, 1890, SS. 40—41; W i n k l e r. *Altorientalische Forschungen*. — *Zur Geschichte des Judentums in Jemen*, B. I, SS. 329—337; C o n t i R o s s i n i. *Un documento sul christianesimo nello Jemen ai tempi del re Sarahbil Jakkuf*. Roma, 1911, pp. 1—48.

⁴ C o n t i R o s s i n i. *Ibid.*, pp. 19—44.

⁵ P e r e i r a. *Historia dos martyres de Nagran*. Lisboa, 1899, pp. XXXIV—XXXVI.

⁶ *Ibid.*, pp. XXXVII—XXXVIII.

К числу греческих источников по истории кушито-химьяритских войн принадлежит сочинение египетского торговца Козьмы Индикоплова „Христианская топография“, составленная им в середине VI в. В годы царствования Юстина I (518—527), в то время как в государстве Аксума находился Козьма Индикоплов, эфиопский царь Элесбоа (Ἐλλασζύβας) приготавливался к походу против химьяритов.¹ Дата этого похода устанавливается на основании других источников, так как первый поход Элесбоа произошел вслед за умерщвлением Арефы на пятом году царствования Юстина I, следовательно в 522 г.²

На греческом языке сохранились также фрагменты утерянного сочинения Нонна, принадлежавшего к третьему поколению семьи, служившей Византии в качестве ее дипломатических представителей на Ближнем Востоке. Дед Нонна Еупорос выполнял различные поручения в арабских княжествах гасанидов и лахмидов. Авраам, отец Нонна, представлял интересы Византии у арабов при Юстине I, а сам Нонн был направлен к Кайсу, филарху арабов, Юстинианом, „державшим тогда власть ромейскую“. Нонн имел дело не только с племенами кинди и маадеями, но и с государством Аксума, куда был послан для переговоров с негусом. Он оставил описание своего путешествия и посольства, составленного в 1-м лице; фрагменты этого описания сохранились в хронике Иоанна Малалы и в „Библиотеке“ патриарха Фотия IX в.³

Иоанн Малала в своей хронике, являющейся вульгаризованной версией Иоанна Антиохийского, использовал Нонна, переписав часть его описаний в 1-м лице.⁴ Кроме того, у Малалы встречаются два написания имени химьяритов — Ὀμψρίται и Ἀμερίται, что указывает на два источника, бывшие в его распоряжении. Последнее написание принадлежит Нонну, как это видно из фрагментов, имеющих у Фотия.⁵ Переписывая Нонна, Малала поместил рассказ о химьяритах в книге о царствовании Юстиниана, а не Юстина I. Между тем причина войны эфиопского царя против химьяритского, как это сообщает Малала, имела исторические корни.

Тексту Иоанна Малалы соответствуют параллельные страницы

¹ Cosmas Indicopleustes. The christian topography (greek text), ed. by Winstedt. Cambridge, 1909, p. 72. The christian topography of Cosmas, translated by J. W. Mc Crindle. London. 1897, p. 55.

² Martyrium St. Arethae. Acta sanctorum. Octobris., v. 10, p. 721.

³ Fragmenta historicorum graecorum, IV, ed. C. Muller, Parisiis, 1851, pp. 178—180.

⁴ Malalas. Chronographia, Bonn, 1831, p. 433.

⁵ Malalas. Op. cit, p. 433. — Nonnosius. — Fragm. historic. graec., IV, p. 179.

Феофана и сирийского писателя Иоанна Эфесского; быть может, все три зависят от общего источника, которым мог быть Иоанн Антиохийский, не сохранившийся в этой части. Близость этих трех текстов побудила Мордтманна дать их сравнение и подробную критику.¹ У сирийского историка параллельные греческим историкам страницы следуют за несколько сокращенной версией послания Симеона Бетаршамского, о котором подробно сообщено ниже.

После послания Симеона, Иоанн помещает рассказ о мальчике, мать которого была убита в Неджране, а затем дает исторические справки об Аксуме и Химьяре, почерпнутые им у греческих авторов. Эта часть хроники Иоанна сохранилась лишь в 3-й части хроники Дионисия Тельмахрского.² Благодаря наличию этого сирийского текста оказалась возможной расшифровка текста Малалы.

Так, значительно сокращая свой источник, Малала пишет: „В то время воевали индусы против друг друга, так называемые аксумиты и омериты (οἱ... Ἀξουμίται καὶ οἱ Ὀμηρίται), причина же войны следующая...“³

У Дионисия (Иоанна Эфесского) рассказ несколько подробнее; В то время случилось, что была война царей индусских друг с другом: царя индусов, имя которого было Аксундон, с другим царем внутренней Индии, имя которого было Индуг, который был язычником“.⁴ Эта междоусобная война кушитских (т. е. абиссинских) племен предшествовала их войнам с химьяритами. Имя Аксундон, который был царем „внутренней Индии“, следует вместе с Галеви читать: царь Аксума или царь аксумитов.⁵ Малала также называет эфиопов-кушитов аксумитами, производя это имя от наименования столицы Аксума.

Текст Феофана, в этом месте испорченный, дает также наименование „царь аксумитов“ — Τοῦτω τῷ ἔτει συνέβη πολεμῆσαι ἀλλήλους τὸν βασιλέα τῶν Ἀξουμιτῶν Ἰνδῶν... Ἰουδαίων ἐξ αἰτίας τῆς αὐτοῦ.⁶

Войну эту он ведет против своего соседа, тоже индусского царя, имя которого — Индуг — тот же Галеви предлагает читать, как Адул, ввиду того, что это может быть оправдано в сирийской палеографии

¹ M o r d t m a n n. Die himjarisch-äthiopische Kriege noch einmal. — Ztschr. d. Deutsch. Morgl. Ges., B. 35, 1881, SS. 693—710.

² Chronicon pseudo-Dionysianum vulgo dictum, ed. Chabot. — C. S. C. O. Scriptores syri, series tertia, t. II, textus. Parisiis, 1933.

³ M a l a l a s, p. 433.

⁴ Chronicon pseudo-Dionysianum, t. II, 54.

⁵ H a l é v y. Examen critique des sources relatives à la persécution des chrétiens de Nedjran. — Revue des études juives, v. 18, 1889, p. 169.

⁶ T h e o p h a n e s. Chronographia, ed. De-Boor. Lipsiae, 1883, pp. 222—223.

Уолак, может быть ошибочным чтением **Долак**, т. е. Адул.¹ Следовательно, царь Аксума воевал с царем Адулом, который был язычником. После того как произошло объединение этих двух княжеств, кушиты смогли двинуться на Химьяр, так как следующая часть читается так: „У него же, после того как прекратили они войну друг с другом, была у него война с царем химьяритов“.²

Синтаксическим и логическим подлежащим и действующим лицом является царь Аксума, который, следовательно, повел теперь войну с химьяритами. Два кушитских княжества, одно с центром в Аксуме, другое в Адулисе, объединились, после чего смогли продолжать наступательное движение и дальше, на химьяритов. Испорченный текст Феофана едва ли дает повод утверждать, как это делает Галеви (в соответствии с указанием относительно одного из царей, что он был язычником), что другой, царь Аксума, был иудеем, т. е. принадлежал к арианам.³

В настоящее время, после опубликования Книги химьяритов, не может быть места скептицизму Галеви, так как этот новый источник дает имя Масрука и подтверждает данные послания Симеона Бетаршамского, который отнюдь не был „*le premier, qui a inventé le roi juif d'Nimyar*“,⁴ и что, вопреки его утверждению, химьяритские цари приняли иудейство.

Хронограф Феофана в соответствующих данных находится в зависимости от хроники Малалы или Иоанна Антлохийского. Часть его текста была более исправна, чем текст Малалы, но и он во многих отношениях заставляет желать лучшего.

Прокопий Кесарийский, знаменитый историк Юстинианова века, его льстец и обвинитель, сообщает о борьбе между эфиопами и химьяритами.⁵ Он считает, что особенно большое значение имели торговые сношения по Красному морю, отмечая положение иудейских купцов на острове Иотабе и в городах Аил, Газа, Петра. Значение караванной торговли арабов между Палестиной и Аравией Прокопий оценил справедливо.⁶ На этом общем фоне для него разыгрываются и события в Химьяре в начале VI в. как и в дальнейшем, в период Юстиниана, когда представителем аксумитов на Аравийском полуострове был Абраха,⁷ известный как Малале, так и хронике Табари.

¹ Halévy. Examen critique, p. 169.

² Chronicon pseudo-Dionysianum, p. 54.

³ Halévy. Examen critique, p. 172.

⁴ Ibid., p. 178.

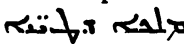
⁵ Procopius Caesarensis. Opera omnia. Lipsiae, 1905; De bello persico I, 19—20; 100—110.

⁶ Ibid., pp. 102, 108, 109.

⁷ Ibid., pp. 107—108.

Сведения Прокопия достойны внимания, как полученные из первых рук.

Для датировки кушито-химьяритских войн может быть привлечено стихотворение Иоанна Псалтеса из Бет-Автонии, написанное на греческом языке. В подлиннике оно до нас не дошло, но между 522 и 526 гг., еще при жизни автора, умершего в 538 г., его перевел на сирийский язык Павел Эдесский. В 675 г. это стихотворение, посвященное Неджрану, вторично сверил с греческим оригиналом Иаков Эдесский.¹

Галеви обратил внимание на противоречие, которое существует между стихотворением и заголовком. Стихотворение кратко и не содержит исторических данных. Заголовок, написанный, по мнению этого критика, позднее,² называет царя химьяритов царем арабов, Масруком. Имя это известно теперь и по Книге химьяритов, памятнику вполне достоверному.

Наименование Масрука царем арабов говорит о том, что к VII в. имя химьяритов могло быть забыто или мало говорило современникам, так как наиболее вероятно, что заголовок к стихотворению был написан на сирийском языке Иаковом Эдесским, сверявшим этот перевод.

Наиболее важные сирийские источники — Послание Симеона Бетаршамского и Книга химьяритов и тесно связанное с ними греческое *Martyrium Arethae* — рассмотрены ниже. Кроме соответствующих глав истории Иоанна Эфесского, разобранных выше, следует отметить послание Иакова Серугского.³ Плодовитый сирийский писатель был современником кушито-химьяритских войн, и его послание имеет характер увещания и утешения жителям Неджрана. В начале послания Иаков так говорит об испытаниях неджрантян, что не остается сомнения в том, что испытываемые ими притеснения не закончились, а еще длятся.⁴

Иаков Серугский умер в конце ноября 521 г. Так как поход эфиопского царя относится к 522 г. (по свидетельству Козьмы Индикоплова), а по другим источникам известно, что зима помешала аксумитам прийти на помощь Неджрану, то осенние и зимние месяцы 521 г. были временем, когда Масрук Зу-Нувас находился под стенами этого города. Этим объясняется и то, что в представлении Иакова Серугского Неджран все еще находится под угрозой Зу-Нуваса.

¹ Schröter. Trostsreiben Jacob's von Serug an die himjarischen Christen. — Ztschr. d. Deutsch. Morgl. Ges., B. 31, 1877, SS. 400—405.

² Hälévy, p. 26.

³ Schröter. Trostsreiben, SS. 360—399.

⁴ Ibid., SS. 270, 286.

Среди сирийских источников в ближайшее к событиям время составлены два сочинения — послание Симеона Бетаршамского¹ и недавно открытая Мoberгом Книга химьяритов.² Они тесно связаны с третьим источником, греческим *Martyrium St. Arethae et sociorum*.³

Из всех многочисленных источников по истории химьяритов в первой половине VI в., по моему мнению, три источника связаны с устной и письменной традицией, полученной в одном и том же месте, Хирте Наамановой, центре арабов-лахмидов, от одних и тех же лиц: 1) послание Симеона Бетаршамского, 2) Книга химьяритов и 3) сообщения Авраама, отца Нонна, записавшего их. Эта группа источников должна быть подвергнута анализу в первую очередь.

ПОСЛАНИЕ СИМЕОНА БЕТАРШАМСКОГО

Симеон, епископ Бетаршама, известен в сирийской литературе как автор трех посланий; одно послание связано с внедрением в Сирии монофизитства, два других трактуют о событиях, происшедших у химьяритов. Симеон принадлежал к числу лиц, черпавших свои сведения из первых рук, так как он был в самой гуще событий религиозной и политической жизни Передней Азии. Перс родом, он был хорошо образован, начитан в „писании“, был горячим спорщиком, ревностно защищавшим доктрину монофизитов. Биограф Симеона, Иоанн Эфесский, считал особой заслугой его неуставную борьбу с учениями Мани, Маркиона и гностика Бердесана, имевшими тогда широкое распространение.⁴ Центром всяких „ересей“, особенно несторианства, была „школа персов“ в Эдессе, продолжавшая затем свою деятельность в Нисибии. Симеон много путешествовал, бывал в разных местах, переходя „от народа к народу, из государства в государство“.⁵ Неоднократно посетив Ктесифон, столицу Персидского государства, он был своим человеком и в Хирте, центре арабов-лахмидов.

Симеон, человек даровитый, знал (по свидетельству Иоанна Эфесского, быть может, несколько преувеличенному) много языков, благодаря чему с легкостью мог говорить и проповедывать на языке

¹ Guidi. La lettera di Simeone vescovo di Beth-Aršam spora i martiri omeriti Memorie della classe di scienze morali, storiche e filologiche. Ser. 3-a, v. VII. Roma, 1881, pp. 1—32.

² A. Moberg. The book of Himyarites. Lund, 1924.

³ Acta sanctorum. Octobris, vol. 10, pp. 721—760.

⁴ John of Ephesus. Lives of the eastern saints. — Patrologia Orientalis XVII, f. I, pp. 138—139.

⁵ Ibid., p. 154.

той страны, „в которую приходил“.¹ Перейра считал, что Симеон знал арабский язык, но не был знаком с языком химьяритов.² Он трижды был в Константинополе; во время своего третьего пребывания он собирался оттуда в Рим, но этому помешала его смерть. При смерти этого глубокого старца в столице Византии присутствовал другой страстный сторонник монофизитства, биограф Симеона, тогда еще молодой Иоанн Эфесский.³

Послание Симеона, написанное по поводу абиссинско-химьяритской борьбы и мученичеств Неджрана, дошло в нескольких списках: в рукописи Британского музея и в рукописи Борджанской библиотеки Ватикана.⁴ Оно вошло в третью часть хроники Дионисия Тельмахрского, который переписал его у Иоанна Эфесского, и в кратком виде сохранилось в хронике Эухарии Митиленского.

Послание Симеона Бетаршамского обращено, — как и предшествующее, утерянное его послание, на которое он ссылается, — к Симеону, архимандриту Габулы. Сведения свои Симеон Бетаршамский получил во время пребывания в Хирте, где он энергично действовал: обратил в христианство большое число арабов, убедил „знатных“ ܩܘܪܝܢܐ построить христианскую церковь в Хирте и неоднократно ее посещал.⁵ «20 числа месяца кануна второго 835 г.», т. е. 20 января 524 г., Симеон Бетаршамский в сопровождении священника ܩܘܪܝܢܐ Авраама-бар-Еупороса выехал из Хирты Наамановой. Авраам был послан императором Юстином I к Мундару царю Хирты, чтобы заключить мир с ромеями.⁶ Этот Авраам известен и по другим источникам. Во фрагменте утерянного сочинения Нонна (Nonnosius), сохранившемся в „Библиотеке“ патриарха Фотия (IX в.), сообщается, что отец Нонна, Авраам, был послан при императоре Юстине I к Аламундру, арабскому царю, т. е. к ал-Мундару. Авраам должен был способствовать освобождению военачальников Тимострата и Иоанна, захваченных персидскими арабами в плен.⁷ Авраам греческого историка и Авраам-бар-Еупорос послания Симеона Бетаршамского — одно и то же лицо. Часто бывавший в Константинополе, Ктесифоне, Хирте, Симеон был желанным спутником для византийского посланца. Вся обстановка, описы-

¹ John of Ephesus, p. 155.

² Pereira. Historia dos martyres de Nagran. Lisboa, 1899, pp. XXIII—XXIX.

³ John of Ephesus, pp. 138, 155, 157.

⁴ Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922, p. 145.

⁵ John of Ephesus, p. 140.

⁶ Simeon Bethars, ed. Guidi, p. 4.

⁷ Nonnosius. Fragmenta historicorum graecorum, IV, ed. Mullerus. Parisiis, 1851, p. 173.

ваемая Симеоном, носит черты исторической действительности. Так как лахмид Мундар, царь персидских арабов, находился не в городе, а в лагере, раскинутом в пустыне „против гор, называемых Дахла, а на арабском языке Рамлах“, то туда отправились и Авраам с Симеоном.¹ Через 10 дней пути они прибыли в лагерь, где их встретили „арабы-язычники и маадеи“. Арабское племя маадеев упоминается (наряду с племенами кинди) в качестве подчиненного шейху Кайсу.² Эти арабы насмешливо сказали приехавшим: „Что вы можете сделать? Вот ваш Христос изгнан от ромеев, персов и химьяритов“. Вслед за тем они встретили посла, который привез Мундару письмо от царя химьяритов. Симеон предполагал дать в качестве документа это письмо царя химьяритов, Масрука Зу-Нуваса, которого он, впрочем, по имени не называет. Однако приведенный им документ не может быть аутентичным, так как он компрометирует Зу-Нуваса и прославляет добродетели замученных им граждан Неджрана. Но существование самого письма не вызывает сомнений, так как в Книге химьяритов заголовок пропавшей 25-й главы гласит: „Рассказ, сообщающий о содержании написанного Масруком Мундару бар Закика, царю Хирты Наамафовой, против христиан“.³ В послании Симеон добавил, что „не все это написал царь химьяритов в своем письме“, но что „многое было ему рассказано вернувшимся от химьяритов посланцем“.⁴

Симеон живо передает реакцию Мундара на это письмо. Сам язычник, ободренный царем химьяритов, он с угрозой обратился к арабам-христианам своего войска. Но они резко ответили: „Мы стали христианами не в твоё время“.⁵

При чтении письма Зу-Нуваса присутствовали упомянутый посол царя Юстина I, Авраам-бар-Еупорос и Мар Саргис (или Гиваргис), епископ Русафы (Ресафы, Разафы). О последнем придется еще говорить, как об авторе Книги химьяритов. Роль и значение Авраама, как представителя Византии, отмечает Симеон тем, что находит нужным выразить ему благодарность за поддержку, которую тот оказал „нашей стороне“, т. е. монофизитам.⁶ Мы имеем здесь прямое свидетельство тому, что Юстиниан поддерживал монофизитство на Востоке вопреки своей официальной столичной политике, которая велась им в интересах православия, ортодоксии.

¹ Simeon Betharš, ed. Guidi, p. 2; Pseudo-Dionysius, ed. Chabot, p. 58

² Nonnosius. F. H. G., IV, p. 174.

³ A. Moberg. The book of Himyarites, pp. 5, CIII.

⁴ Simeon Betharš, ed. Guidi. p. 1.

⁵ Ibid. p. 2.

⁶ Ibid., p. 2. Dionysius Tellmah, p. 57.

Следующая часть послания Симеона составлена на основании устного источни́ка. По возвращении в Хирту Нааманову из лагеря Мундара, весной того же 524 г. (в понедельник первой недели великого поста), Симеон встретил человека, только что побывавшего в Неджране. Он был послан туда группой христиан-химьяритов, находившихся в Хирте, с тем чтобы привезти им сведения обо всем там происходившем.¹ С его слов записано мученичество Арефы — Харита и других: молодой женщины, имевшей трехлетнего сына, Румы и ее дочерей и пр.

В заключительных страницах Симеон объясняет причину, побудившую его написать это послание, и цель, которую он преследует. Необходимо было, по его мнению, чтобы события в Неджране стали широко известны. Через бежавших в Египет епископов-монофизитов, которых изгоняли сторонники халкидонского вероисповедания,² вести должны были дойти до александрийского патриарха. Симеон желал, чтобы об этом знали все „города верующих“, т. е. монофизитов, к которым он причисляет Антиохию, Тарс, Киликию, Кесарию Каппадокийскую и Эдессу, а также сторонники других религиозных направлений.³ „Царя и его знатных“, т. е. византийского императора и его двор, было необходимо убедить принять меры против иудейских первосвященников Тивериады, с тем чтобы они прекратили сношения с химьяритами, не посылали им влиятельных лиц и писем. Известная сумма денег, по мнению Симеона, могла бы удовлетворить царя химьяритов и удержать его от дальнейших преследований христиан.

Заключительные строки Парижской рукописи⁴ принадлежат переписчику, который прибавляет, что он узнал от „побывавших в той стране“, что кушиты расправились с царем химьяритов, бросив его в море, а воцарился царь по имени ал-Фарна.

Таким образом, послание Симеона Бетаршамского не было лишь литературным произведением, оно преследовало практические цели, имевшие значение для Симеона, так как химьяриты и Хирта Нааманова находились в то время под монофизитским влиянием, которое Симеон стремился всячески упрочить. Послание написано под живым, непосредственным впечатлением, полученным в Хирте. Несообразности в переданном им письме Масрука (Зу-Нуvasа) к Мундару объясняются тем, что он приводил его на память и включил в него части рассказа посланца, возвратившегося от химьяритов. Страстный

¹ Simeon Betharš, ed. Guidi, p. 20; p. Dionys. Tellmahr, p. 63.

² Т. е. вероисповедания, утвержденного Халкидонским вселенским собором.

³ Simeon Betharš, ed. Guidi, p. 22.

⁴ Ibid. p. 22.

темперамент автора сказался и в этом случае в его неровности, преувеличениях, неправдоподобии отдельных фактов, искаженных им и его свидетелями-очевидцами.

Подлинность послания Симеона никогда не вызывала сомнения у Нельдоке и Гвиди, тем более что „Мученичество Арефы“ на греческом языке подтверждало фактические данные этого послания, а с опубликованием Книги химьяритов оно приобрело абсолютно твердую почву.

КНИГА ХИМЬЯРИТОВ

В 1924 г. этот замечательный памятник был издан Мoberгом, которому посчастливилось его открыть в обложке одной сирийской рукописи. Писанная в два столбца четким яковитским почерком рукопись сохранила дату, которая оставлена переписчиком Стефаном, трудившимся над ней в крепости Кириатене „в храме святого Фомы“. Он кончил ее 10 нисана 1243 г. греков, т. е. 10 апреля 932 г. н. э.

Издателем дан тщательный и подробный анализ всех фрагментов рукописи и общего плана этого труда, до того времени неизвестного. Сопоставляя содержание Книги химьяритов с другими источниками об абиссина-химьяритских войнах, издатель пришел к выводу, что наиболее близко к нему стоит *Martyrium St. Arethae*, которое находится в прямой зависимости от Книги химьяритов.¹ Различия следует отнести за счет разных заданий, которые ставили себе целью эти памятники, так как Мученичество стремилось прославить Арефу и его товарищей как мучеников Неджрана, а Книга химьяритов задумана как историческое сочинение.

О фактах, которые упоминаются вышеназванными источниками, сообщает и послание Симеона Бетаршамского, обнаруживающее, однако, значительные расхождения с Книгой химьяритов. Это следует отнести не только за счет различия в литературной конструкции, но и за счет того, что оба памятника опирались на устную традицию, в основном одну и ту же, в подробностях же различную. Несомненно, что Книга химьяритов располагает неизмеримо более подробными данными, чем послание Симеона, не говоря о ее безусловных литературных и архитектурных преимуществах.

Содержание и план Книги химьяритов, сохранившейся лишь фрагментарно, могли быть восстановлены благодаря уцелевшему оглавлению к ней. Имя автора Книги химьяритов остается

¹ A. Moberg. The book of Himyarites, pp. XXVI—XXXVI.

неизвестным, оно не сохранилось в этом памятнике. Автор полагал сведениями, полученными от современников абиссино-химьяритских войн, и его задачей было составить описание „из многих рассказов“ относительно событий, имевших место в „стране химьяритов“ еще „до увенчания славных“, т. е. до гонения на химьяритов-христиан. Сведения автор получил от верных людей из числа химьяритов, которые были свидетелями и очевидцами первой экспедиции кушитов (абиссинцев) в Йемен. О втором вторжении кушитов автор узнал от других лиц, которые также прибыли с их войсками к химьяритам и были очевидцами всего там происходившего.¹ Таким образом, автор указывает на устные источники, которые были им использованы, — рассказы очевидцев — и на современников событий, происходивших у химьяритов. Своих свидетелей он называет не только людьми „верными“, т. е. верующими, но и *كساك كساك*, т. е. *beati, μακάριοι*, обычное название христианских клириков и монахов; следовательно, эти лица принадлежали к христианскому клиру химьяритов. Помимо того, автор ссылается еще на одного свидетеля, имя которого он сохранил, — на Абдаллах бар Аф'у. Последний, сын одного из известных „глав“, *كلى*, т. е. шейхов, не только был знатным человеком, но и занимал некоторое административное положение. Характерно для того времени, что Абдаллах был христианином, а отец его Аф'у — язычником.² Когда Абдаллах просил разрешения у царя Масрука, гонителя, похоронить мучениц Елишбу и Аммай, то тот не разгневался на него, но сказал: „Ради отца твоего Аф'у, поди выкопай [могилу] и похорони их“,³ и когда Абдаллах уходил, Масрук подзвал его и повторил свое разрешение. Это подтверждает значение Аф'у при дворе Масрука. В другом месте автор называет этого Аф'у „старцем почтенным и известным главой“ и сообщает, что он принял христианство; „мы окрестили его в той церкви истинноверующих, которая есть в Хирте Наамановой, с большим торжеством, пока мы еще были там“.⁴ Таким образом, и Абдаллах и его отец Аф'у были хорошо известны автору и по своему положению могли быть хорошо осведомлены в делах Химьяритского государства. Об Абдаллахе автор добавляет, что он выше о нем уже писал (эта часть книги до нас не дошла).⁵ Абдаллах не только рассказал о диакониссах Елишбе и Аммай, но составил список

¹ The book of Himyarites, p. 56-b.

² Ibid., p. 23-b.

³ Ibid., p. 24-a.

⁴ Ibid., p. 23-b.

⁵ Ibid., p. 23-a.

и других неджранских мучеников и мучениц. Автор называет еще одного свидетеля, носившего то же самое имя — Аф'у, зятя мученицы Хабсы, мужа ее сестры. События, связанные с их именами, имели место до второй экспедиции куштов, так как Аф'у не посмел достать и сохранить останки мучениц — Хабсы и Хаяи. Он опасался так поступить, чтобы не подвергнуться каре со стороны враждебных им химьяритов, которые тогда „еще правили той страной“. Аф'у рассказал и написал „нам“ (т. е. автору книги) подробностей относительно своей свояченицы Хабсы и ее сподвижницы Хаяи.¹ Таким образом, из письменных источников, названных автором, он сам упоминает список имен, полученный им от Абдаллаха, и материалы от Аф'у, зятя Хабсы. Не исключена возможность, что автор пользовался еще и другими источниками, сведения о которых он, может быть, и сообщал в утерянной части своей книги.

Автор не был постоянным жителем Хирты и лишь в течение некоторого времени находился в столице государства лахмидов; он принял участие в обращении и крещении знатного химьярита Аф'у, отца Абдаллаха, следовательно был клириком.²

Моберг высказал очень интересное предположение относительно того, кто мог быть автором Книги химьяритов — предположение, являющееся весьма вероятным. Симеон Бетаршамский в своем послании упоминал об одновременном с ним пребывании в Хирте епископа Русафы, по имени Саргис (или, по другим спискам, Гиваргис). Русафа или Sergiopolis упоминается и в греческом Martyrium Arethae, куда это имя, по предположению Моберга, попало как раз из утраченной части Книги химьяритов.³ Сергей (Георгий) Русафский и является, по мнению Моберга, автором Книги химьяритов. Если Симеон оставался в Хирте кратковременно, то Сергей (Георгий) из Русафы оставался там дольше. Возможно, что в Хирту прибывали беглецы из области химьяритов; они привозили еще дополнительные сведения.⁴ В их числе мог быть и отец „юноши“ Абдаллаха — химьярит Аф'у, который был торжественно окрещен в Хирте, в храме „верующих истинно“, т. е. монофизитов. Одновременное пребывание Симеона Бетаршамского и автора Книги химьяритов в Хирте прекрасно объясняет то общее, что есть в составленных ими столь различных литературных памятниках. Их общим устным источником и были сведения.

¹ Ibid., p. 35-b.

² Ibid., p. 23-b.

³ Ibid., p. LXVI.

⁴ Ibid., p. LXV.

полученные в Хирте. Объясняется этим и литературная независимость послания Симеона от Книги химьяритов, установки которых были различны.

Оба памятника использовали один и тот же письменный документ, а именно — послание Масрука (Зу-Нуваса) к лахмиду Мундару, но использовали его различно. Несомненно, что епископ Бетаршамский присутствовал и при чтении этого письма Зу-Нуваса (Масрука) и при рассказе гонца, как и упомянутый нами Саргис, епископ Русафы. Находилось тут же и еще одно лицо, к роли которого придется в дальнейшем вернуться, — Авраам-бар-Еупорос.

Русафа была центром, куда съезжались из Сирии для торговых дел. Там происходила большая ежегодная ярмарка, на которую собиралось множество людей. В построенном там христианском храме находились останки мученика Сергия.¹ Расположенная на пути, идущем из Пальмиры на север, несколько уклоняясь на восток, к Евфрату, к селению Сура и далее к Каллинику (Ракке), Русафа была также пунктом, куда съезжались в определенное время года шейхи арабских племен Сирии со своими войсками. В Русафе было назначено свидание гассанида Мундара с представителем Византии для переговоров, при императоре Юстине II.² Епископ Русафы возглавлял широкие круги арабов-христиан и пользовался в их среде авторитетом; поэтому понятно его присутствие в Хирте, куда он сопровождал византийского посла Авраама. Если Книга химьяритов принадлежит перу епископа Русафы, то подлинность ее совершенно несомненна. По своему содержанию этот памятник также не вызывает сомнения; он был написан около 525 г. н. э., преимущественно на основании устной традиции и некоторых записей современников, знакомства с письмами Зу-Нуваса (Масрука) к Мундару лахмиду. Автор привнес в свой труд и некоторые данные о прошлом химьяритов, об их истории.

Ряд фактов, сообщаемых в Книге химьяритов, отвечает сообщениям Мученичества Арефы и послания Симеона Бетаршамского; другие, новые сведения отвечают всей исторической обстановке того времени (о торговых и культурных связях Иемена с Тивериадой, о внедрении иудейства и христианства в Южной

¹ H. Spanner u. S. Guyer. *Rusafa, die Wallfahrtsstadt des heiligen Sergios*. Berlin, 1926; Dussaud. *Topographie historique de la Syrie antique et médiévale*. Paris, 1927, pp. 253—254; J. Sauvaget. *Les Gassanides et Sergiopolis*. — *Byzantion*, v. XIV, f. I, 1939, pp. 115—130.

² Иоанн Эфесский. *История*, III, кв. 6, гл. 4; Н. В. Пигулевская. *Сирийские источники по истории народов СССР*. Л., 1941, стр. 121—122 (в русск. перев. с сирийского).

Аравии). Сведения сирийских писателей совпадают с традицией арабской, представленной у Табари, как, например, о химьярите Зу-Язане.

Имена собственные, приводимые Книгой химьяритов, подтверждаются, с одной стороны, химьяритскими надписями, с другой — арабской историографией. Тот же памятник говорит, что один из культурных путей в Южную Аравию шел через Хирту Нааманову, другой — через Мекку и Медину. Наконец, особенно очевидными становятся связи между Абиссинией и Йеменом и давление, оказанное Ираном и Византией на обе эти страны.

В новых данных и следует видеть одно из достоинств Книги химьяритов, в зависимости от чего необходимо пересмотреть историю химьяритов в V и VI вв. и по-новому разрешить ряд ее проблем.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ АРЕФЫ

Выше было уже указано на тесную взаимозависимость (как по плану, так и по содержанию) Книги химьяритов и *Martyrium St. Arethae et sociorum in civitate Negran*.¹ Этот греческий источник точно датирует события, о которых он сообщает, сопоставлением даты антиохийского летоисчисления — 835 г. (523 г., так как указан октябрь месяц) со 2-м индиктионом в царствование императора Юстина и списком епископов разных городов. Исследование, эфиопский текст и его перевод даны в прекрасной работе Перейра.² В мартирологе имеется ряд исторических справок, например, о названии Сабз и соответствии его „Счастливой Аравии“, о расположении Неджрана и других городов, о торговле и торговых путях, справка о деньгах и их весе у химьяритов.

При значительной зависимости Мученичества Арефы от Книги химьяритов нет, однако, оснований относить и эти сведения справочного характера за счет несохранившихся ее частей, тем более что они имеют много общего со сведениями Козьмы Индикоплова, Малалы, Нонна, Прокопия Кесарийского, представляющими светскую и историческую струю в материалах, которыми располагали в Византии об Аравии и Эфиопии. Само изложение Мученичества содержит подробности исторического характера, позволяющие дать углубленный анализ фактам. В нем следует также отметить знакомство с направлением официальной византийской

¹ Boissonade. *Anecdota graeca*, v. 5. Parisiis, 1833, pp. 1—62; *Acta sanctorum*, Octobr., t. X, 651—752. Parisiis et Romae, 1869.

² Pereira. *História dos Martyres de Negran*. Lisboa, 1899.

политики и стремление поддержать ее престиж. Выступление Абиссинии было обусловлено обращением императора Юстина I, о чем умалчивают оба сирийских источника. Стремление сделать византийского императора защитником христианства и на Востоке входило в политические расчеты и было одним из способов поддержать авторитет Константинополя. Юстин обратился к Тимофею, епископу Александрийскому, прося его написать царю эфиолов; кроме того, сам Юстин обращался к Элесбоа и ставил в вину Зу-Нувасу не только гонения на химьяритов-христиан, но и его попытки восстановить против „ромейской религии“ Ктесифон и Хирту. Для поддержки Юстин намеревался двинуть свои войска из Египта на юг.¹ Таким образом, византийское правительство явилось, по мнению автора „Мученичества“, вдохновителем похода против химьяритов, в котором действовал сборный флот.² Такая трактовка могла возникнуть в кругах, тяготевших к столичным политическим сферам, в противоположность провинциальному, сирийскому направлению.

Светские исторические данные в греческих источниках могли быть получены хронистами от византийских купцов и моряков, которые там побывали сами, по путям, описанным Козьмой Индикопловом. Кроме того, на греческом языке имеется фрагмент интересного источника, именно — книги Нонна.³

Нонн и отец его Авраам были послами Византии к эфиопам, химьяритам и арабам. Константинополь для сношений с небольшими ближневосточными державами предпочитал располагать лицами знакомыми с языком, обычаями и всей, часто очень сложной обстановкой. При императоре Анастасии дед Нонна, отец Авраама, был послан к Хариту, арабскому царю. При императоре Юстине I сам Авраам был направлен к Мундару.⁴ Симеон Бетаршамский говорит, что Авраам был направлен к Мундару, „чтобы заключить мир между персидскими арабами и ромеями“.⁵ Авраам присутствовал вместе с Симеоном и Сергием (Георгием) Русафским при чтении послания Масрука (Зу-Нуваса) к царю Мундару.⁶ Так как Нонн свои сообщения почерпнул и из рассказов своего отца Авраама, то три лица, бывшие в Рамле, лагере царя Мундара, а затем в Хирте Наамановой в 524 г. н. э., оставили письменные записи

¹ Acta sanctorum, Octobris., t. X, p. 743, § 27.

² Ibid., p. 747, § 29.

³ Fragmenta historicorum graecorum, v. 4, ed. Mullerus, Parisiis, 1851, pp. 178—180.

⁴ Ibid., p. 179.

⁵ Simeon Bethars, ed. Guidi, p. 1.

⁶ Ibid, p. 1.

или сообщения о событиях, свидетелями которых были или о которых слышали. Их рассказы были теми устными источниками, на основании которых созданы Книга химьяритов и Мученичество Арефы. Эти произведения связаны также с сообщениями Нонна или с другими византийскими источниками, близкими к тем данным, которые составили содержание книги Нонна из его личного опыта, сообщений его отца Авраама, а может быть и деда Еупора. Этот источник Мученичества Арефы был светский, связанный с традициями торговых людей или дипломатических представителей Византии (сведения о монетах, мерах и пр.).

Однако Мученичество не лишено и больших ошибок, географических неточностей и даже сказочных подробностей (цепи в проливе между африканским и аравийским берегами), указывающих на то, что осведомленность его автора была далеко не полной. Расстояние от химьяритов до Абиссинии показано неправильно, без отчетливых географических представлений.

Автор Мученичества Арефы неизвестен, но он принадлежит к антиохийским кругам (летоисчисление дано *κατὰ δὲ Ἀντιόχειαν τῆς Συρίας*), которые ориентировались на столицу и императора. Составлено оно едва ли позже 30-х годов VI в. Источниками *Martyrium St. Arethae* были Книга химьяритов и сведения светских греческих авторов, в частности — записи Нонна на основании сообщений его отца Авраама.

Таким образом, три хронологически ближайших ко времени абиссино-химьяритских войн источника: послание Симеона Бетаршамского, Книга химьяритов и Мученичество Арефы — почерпнули свои основные сведения в одном и том же географическом пункте — в столице арабов-лахмидов, Хирте Наамановой, и в одно и то же время — в 524 г., когда там было получено послание царя химьяритов Масрука и туда прибыли разные лица из южно-арабских городов.

При изучении источников по истории борьбы за господство в южной части Красного моря и в караванных городах его побережья становится очевидной заинтересованность Византии и ее роль в этом деле.

На события в Эфиопии и Химьяре в первой четверти VI в. были отзвуки на греческом языке в разных литературных жанрах. Этим событиям посвящены исторические хроники, путешествия, агиологические памятники и даже стихотворения. Греческие материалы тесно и глубоко связаны с сирийскими: их переводили, они взаимно влияли друг на друга, и поэтому изучать их можно лишь комплексно.